

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ ЭТИКЕТА В ФАСТНАХТШПИЛЯХ ГАНСА САКСА И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Для цитирования: *Нифонтова Д. Е.* Речевые формулы этикета в фастнахтшпилях Ганса Сакса и их перевод на русский язык // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Вып. 13. С. 282–293. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.115>

Целью настоящей статьи является изучение формы и функций некоторых речевых формул этикета в ранненововерхненемецком языке. На материале фастнахтшпиля известного немецкого мастерзингера Ганса Сакса «Das Narrenscheyden» («Излечение дураков», 1557) с позиций речевого этикета, понимаемого как набор культурно специфических, устойчивых формул общения, анализируются случаи употребления обращений, приветствий, прощаний, просьб, советов и т. д. Методологическая основа анализа обусловливается теоретическим положением исторической прагмалингвистики о потенциальной возможности использования текстов отдаленных эпох в качестве источника языкового материала. В статье впервые представляется специфика использования речевых формул этикета в произведениях Г. Сакса в аспекте их перевода на современный русский язык. Особое внимание уделяется особенностям жанра фастнахтшпиль (нем. *Fastnachtspiele* — ‘масленичные игры’), а также проблеме передачи на русский язык старинного немецкого стиха книттельферс (Knittelvers), традиционно выравниваемого переводчиками в четырехстопный ямб. В статье отмечается роль Г. Сакса как одного из первых авторов своего времени, последовательно закреплявших за речью персонажей языковые черты социальной дифференциации. В данной связи предпринимается попытка проследить вариативность речевых формул этикета в зависимости от ситуации речевого взаимодействия (социального статуса собеседников, установки на конфликтный или кооперативный тип общения и т. д.). Помимо основных функций этикетных формул, заключающихся в завязывании, поддержании и прерывании контакта согласно действующим правилам и нормам общения, применительно к анализируемому материалу выделяются регулирующая и характеризующая функции (речевые формулы этикета как маркеры развития драматического действия и средства создания образов персонажей). Полученные результаты анализа вносят вклад в исследование особенностей речевого взаимодействия, представленного на материале текстов отдаленных эпох и их переводов.

Ключевые слова: Ганс Сакс, ранненововерхненемецкий фастнахтшпиль, речевой этикет, перевод на русский язык.

SPEECH FORMULA OF ETIQUETTE IN THE CARNIVAL PLAYS OF HANS SACHS AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

For citation: Nifontova D.E. Speech formula of etiquette in the carnival plays of Hans Sachs and their translation into Russian. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 282–293.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.115> (In Russian)

The article aims to study the form and functions of some etiquette speech formulas in Early New High German. On the material Hans Sachs's carnival play *Das Narrenscheyden* (*Cure of Fools*, 1557) from the standpoint of speech etiquette, the cases of using addresses, greetings, farewells, requests, advice, etc. are analyzed. The methodological basis is determined by the theoretical position of historical pragmatic linguistics of the potential possibility of using old texts as a source of linguistic material. The article presents for the first time the specificity of the use of speech formulas of etiquette in the works of H. Sachs in the aspect of their translation into modern Russian. Particular attention is paid to the features of the genre of Shrovetide plays, as well as to the problem of translating of Knittelvers, traditionally aligned in Russian into iambic tetrameter. The article notes the role of H. Sachs as one of the first authors of his time, who consistently assigned linguistic features of social differentiation to the speech of the characters. In this regard, an attempt is made to trace the variability of etiquette speech formulas depending on the situation of speech interaction. In addition to the main functions of etiquette formulas, regulatory and characterizing functions are distinguished (etiquette speech formulas as markers of the development of dramatic action and means of creating character images). The obtained results contribute to the study of the features of speech interaction, presented on the basis of texts from distant eras and their translations.

Keywords: Hans Sachs, early New High German carnival play, speech etiquette, translation into Russian.

1. Введение

Речевой этикет, понимаемый вслед за Н. И. Формановской как набор стереотипных, формул общения, принятых в обществе с целью установления, поддержания и прерывания контакта между собеседниками в избранной тональности [Формановская 1989: 3], является неотъемлемой частью культуры любого народа. Как отмечал Л. П. Якубинский, «говорение в связи с определенными шаблонами быта влечет образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора» [Якубинский 1923: 175]. В обобщен-

ном виде схема речевых формул этикета (РФЭ), используемых в процессе коммуникации, состоит из формул начала, середины и завершения разговора. Очевидно, что базовым принципом использования РФЭ выступает принцип вежливости. Категория вежливости, представленная рядом стратегических и тактических речевых ходов, конвенционально закрепленных в языковом сознании носителей языка, их коммуникативной и прагматической компетенции [Формановская 2007: 407], представляет собой сложный феномен, прошедший ряд фундаментальных изменений за историю своего существования. Вплоть до XV–XVI вв. вежливость понималась в Европе преимущественно в контексте придворной культуры общения (нем. *Höflichkeit*, фр. *courtoisie*); с началом Реформации, ко времени которой и относится творчество знаменитого немецкого мейстерзингера Ганса Сакса, в понимании вежливости происходит сдвиг в сторону античной гуманистической традиции, ценности воспитания, образования, цивилизации. При этом социальное неравенство и разделение на сословия определяют общественный уклад, находя отражение во всех сферах жизни и проявляясь в том числе и в системе речевых формул этикета. Из доступных текстов изучаемой эпохи одним из наиболее подходящих жанров для анализа РФЭ в рамках прагмалингвистики выступает фастнахтшпиль. Как следует из названия жанра, он восходит к обычаю немецкой молодежи гулять на масленицу (нем. *Fastnacht*) ряжеными по городу и представлять забавные сценки из повседневной жизни (см.: [Даркевич 1988; Колязин 2002]) и др. Таким образом, воспроизводимая в ходе представлений речь, несмотря на ее фиктивный характер, оказывалась наиболее приближена к реальной. Изначально одной из излюбленных тем фастнахтшпиля было высмеивание грубости и глупости крестьян. С течением времени круг тем расширился и стал включать вопросы политики и религии (преимущественно в сатирическом ключе), авторы текстов стали также обращаться к литературным источникам. Большая часть фастнахтшпелей возникла в Нюрнберге, где жил и творил крупнейший поэт Германии XVI в. Ганс Сакс, автор многочисленных драматических произведений, в том числе 64 фастнахтшпелей, насыщенных актуальным антифеодальным и антикатолическим содержанием (см. подробнее: [Мокульский 1952: 673–677]).

2. Формулы речевого этикета в фастнахтшпили Ганса Сакса «Извлечение дураков» и их перевод на русский язык

Как уже говорилось выше, фастнахтшпили Ганса Сакса тяготеют к изображению сцен бытового общения, обнажающих всевозможные человеческие пороки. Классическим примером подобного развенчания выступает фастнахтшпиль Ганса Сакса «Извлечение дураков» («Das Narrenscheyden», 1557), сюжет которого строится на образе глупца, из чьего раздутого брюха врач и его помощник извлекают множество «дураков», олицетворяющих жадность, алчность, тщеславие, зависть, распутство. Как отмечает А. Левинтон во вступительной статье к собранию сочинений Г. Сакса, данный фастнахтшпиль «примыкает к так называемой литературе о дураках (Narrenliteratur), традиции которой восходят к “Кораблю дураков” (1494) Себастиана Бранта, “Похвальному слову глупости” (1509) Эразма Роттердамского, “Заклятию дураков” (1512) Томаса Мурнера (1475–1536) и др.» [Сакс 1959: 400]. Перевод фастнахтшпиля «Извлечение дураков» на русский язык был выполнен советским переводчиком и литератором Львом Гинзбургом, чье мастерское владение словом и обширные знания в области литературы и языков (как современных, так и древних) позволили ему создать выдающиеся переводы, которые высоко ценятся в России и Германии.

Прежде чем перейти к рассмотрению примеров РФЭ и их перевода на русский язык, представляется необходимым сделать важное замечание о метре, которым написаны фастнахтшпили. Книттельферс (Knittelvcrs) — старинный немецкий говорной (презрительно «ломаный» или «дубинный») стих, господствовавший в Германии в XVI в., восходит к четырехударному стиху куртуазного эпоса, однако был существенно видоизменен мейстерзингерами за счет свободного заполнения безударных (Senkungen). Для книттельферса характерна смежная парная рифмовка с четырьмя хаотично расположенными ударениями в каждой строфе и беспорядочным чередованием мужских и женских окончаний. Как отмечает М. Л. Гаспаров, в обычных русских переводах сдвиги ударений, характерные для книттельферса, не передаются, а «стих выравнивается в правильный ямб» [Гаспаров 2003: 143]. Перевод фастнахтшпиля «Извлечение дураков» Л. Гинзбурга в данном случае не исключение: текст написан ямбом, силлабические сдвиги ударений не передаются. Данная особенность, с одной стороны, облегча-

ла процесс перевода, с другой стороны, ставила задачу, с которой в немецком языке как нельзя лучше справлялся «дубинный» книттельферс, а именно задачу передачи на русский язык грубоватой речи простолюдинов. Неизбежный переход на правильный метр вынуждал переводчика восполнять характеристику персонажей за счет других языковых средств или зачастую просто отказываться от нее. Обратимся к примерам.

Фастнахтшпиль открывается традиционным выходом персонажа (в данном случае это врач и его слуга) на сцену и приветствием зрителя.

(1)

Ганс Сакс

Der Arzt tritt ein mit seinem Knecht und spricht:

Ein guten Abend! Ich bin dort nieden
von einem worden rauf beschieden,
wie etlich krank heroben wärn,
die hätten einen Arzet gern.

**Nun sind sie hie, Frau oder Mann,
die mügen sich mir zeigen an.**

Sie haben faul Fleisch odern Stein...

[Sachs 1870: 3]

пер. Л. Гинзбурга

Врач (входит вместе со слугой)

Ну, добрый вечер, господа!

Я кем-то вызван был сюда.

Будь это старец иль девица -

Больному врач всегда сгодится.

Эй вы, больные! Где вы тут?

Лечу любую из простуд...

[Сакс 1959: 366]

Врач обращается к публике с типичным для начала разговора приветствием *Ein guten Abend!* и рассказывает о целях своего прихода — вылечить всех и каждого. В переводе *добрый вечер* дополнено обращением *господа* и необходимой для ямбического ритма частицей *ну*. Дополнение вполне уместно, ведь врач обращается не к другим действующим лицам (его будущий пациент еще не вышел на сцену), а к собравшейся публике. На первый план выходит не только фатическая функция приветствия, но и регулирующая: пьесы ставились в условиях повышенного шума (в тавернах и на площадях), а потому прямое обращение к публике служило сигналом начала действия. Весьма любопытным в данной связи оказывается пример (2):

(2)

Ганс Сакс

Der Arzt neigt sich und spricht:

Gott gsegn den Wirt mit seinen Gästen!

Der Arzt neigt sich und spricht:

пер. Л. Гинзбурга

Врач (раскланивается)

Да будет божья милость с вами!

Коль мы не в тот попали дом,

Gott gsegn den Wirt mit seinen Gästen! Откланяемся и уйдем.
weil wir haben verfehlt das Haus, **Мир всей компании честной!**
bitt' wir: legt uns zum besten aus! [Сакс 1959: 367]
Das nehm wir an zu großem Dank.
[Sachs 1870: 4]

Не найдя среди зрителей ни одного больного, врач сразу готов раскланяться, употребляя подчеркнуто вежливые РФЭ и тем самым создавая на фоне своего грубоватого слуги образ образованного и воспитанного человека: *Gott gsegn den Wirt mit seinen Gästen!* / *Да будет божья милость с вами!* / *Откланяемся и уйдем.* / *Мир всей компании честной!* Однако, в отличие от примера (6), о котором речь пойдет ниже, данное прощание выполняет лишь функцию привлечения внимания аудитории и предвосхищает непосредственное начало драматического действия.

В примере (1) мы также видим случай употребления еще одного этикетного высказывания — приглашения, поданного как в оригинале, так и в переводе за счет отсутствия привычных формул (перформатива «приглашаю тебя», императива «приходи» или вопроса «придешь?») в неявной форме: представившись публике, врач заявляет о своей готовности излечить любую болезнь. И если в оригинале фраза *Nun sind sie hie, Frau oder Mann, die mügen sich mir zeigen an* за счет конструкции с модальным глаголом воспринимается как нейтрально вежливое приглашение-разрешение [Ларина 2009: 336], то в переводе слова врача *Эй вы, больные! Где вы тут? Лечу любую из простуд* звучат прямолинейно и направлены не столько на побуждение слушателя к действию, сколько на характеристику говорящего как врача, неистово преданного своему делу.

По-иному — в эксплицитно вежливой форме — подается приглашение воспользоваться теми же услугами врача в конце текста, уже после удачного проведения операции по извлечению недугов из живота больного. Слуга зазывает всех присутствующих прибегнуть к помощи своего господина:

(3)

Ганс Сакс
Der Knecht schreit aus:
Nun hört! **ob indert einer wär,**
der dieser Arznei begehrt,

пер. Л. Гинзбурга
Слуга (*выкрикивает*)
Эй, дорогие господа!
Прошу пожаловать сюда.

der such uns in der Herberg hie
bei eim, der heißt, ich weiß nit wie.
Dem wöll wir unser Kunst mit-thailn
und an der Narrensucht ihn hayln.
[Sachs 1870: 17]

Мы быстро сладим с вашим горем —
Живот быстрехонько распорем
И молодых и стариков
Тотчас спасем от дураков!
[Сакс 1959: 381]

В тексте Ганса Сакса приглашение выражено простым императивом *der such uns in der Herberg hie*, в переводе же используется более изысканная формула *Прошу пожаловать сюда*. Как в первом, так и во втором примере благодаря метру и лексико-синтаксическим средствам перевод выглядит более динамичным, а речь персонажей залихватской.

Как уже отмечалось выше, фастнахтшпили создавались в эпоху жесткой социальной иерархии. Ганс Сакс был одним из первых авторов, последовательно закреплявших в своих текстах языковые черты социальной дифференциации персонажей, тем самым максимально приближая их речь к реальной. Наиболее очевидно данный факт прослеживается на примере обращений. Так, в начале текста действующие лица придерживаются правил речевого этикета и соблюдают субординацию: больной обращается к доктору на «вы» — *Mein Herr, O Herr Doktor*, а тот, в свою очередь, на «ты» — *Gesell, Knecht*. Однако, как только врач приступает к лечению, которое заключается во вспарывании брюха и извлечении дураков-пороков, больной начинает выкрикивать ругательства *potz Angst!* и даже переходит на «ты» — *Halt, halt! du tust mir weh:*

(4)

Ганс Сакс
Er schneidt. Der Krank schreit:
Halt, halt! potz Angst! du tust mir weh.
[Sachs 1870: 8]
Der Knecht spricht:
Potz Leichnam, halt und tu doch harrn!
[Sachs 1870: 9]

пер. Л. Гинзбурга
Больной (кричит)
Злодеи! Стойте! Жжет огнем!
[Сакс 1959: 372]
Слуга
Молчи-ка, олух! Не скули!
[Сакс 1959: 373]

В переводе Л. Гинзбург отказывается от передачи междометия *potz Angst!*, сохраняя при этом высокий инвективный потенциал фразы за счет прямой негативной номинации *злодеи* и лексико-семантической замены *du tust mir weh* на *Жжет огнем!* Аналогично переданы на русский слова-реакция слуги, который пытается утихомирить больного: *олух, Молчи-ка, Не скули*. Подобные перевод-

ческие трансформации вполне оправданы: фастнахтшпили, как и многие драматические тексты Средневековья и раннего Нового времени, изобиловали прямыми номинациями, содержащими аллюзии на человеческие физические и умственные пороки [Mazzon 2009: 48].

Высокой частотностью в исследуемом материале обладают РФЭ, направленные на выражение благодарности. Так, счастливый после исцеления от всех пороков, больной благодарит своего исцелителя, используя перформативную конструкцию *sag ich Euch Dank*:

(5)

Ганс Сакс

Der Krank:
Weil **Ihr** von mir nichts hat genommen,
sag ich Euch Dank Euer milden Gab.
Alde! ich scheid mit Wissen ab.
[Sachs 1870: 16]

пер. Л. Гинзбурга

Больной:
Коль даром **вы** меня лечили.
Хвала вам до конца времен!..
Бегу, познаю умудрен.
[Сакс 1959: 380]

Очевидно, что смена настроения персонажа сказывается и на выборе этикетных формул: он вновь переходит на «вы», а речь в целом становится подчеркнута вежливой. Перевод в полной мере отражает пафос речи некогда больного: выражение благодарности усиливается за счет РФЭ похвалы — *Хвала вам до конца времен!*

Фастнахтшпиль завершается традиционным для большинства драматических произведений монологом одного из персонажей, также представляющим интерес с точки зрения использования этикетных формул. Так, врач, резюмируя произошедшее на сцене, дает советы, как праведно жить на земле:

(6)

Ганс Сакс

Der Arzet beschleußt:
Ihr Herrn, weil Ihr ietzt habt vernommen
viel Narren von dem Kranken kummen,
die bei ihm wuchsen vor viel Jahren,
vor solcher Krankheit zu bewahren,
laß ich zuleyt ein gut Rezept:
Ein ieglicher, dieweil er lebt,
laß er sein Vernunft Meister sein
und reit sich selv im Zaum gar fein
und tu sich fleißiglich umschaun

пер. Л. Гинзбурга

Врач (заключает)
Ну, господа, вам вывод ясен?
Любого я лечить согласен,
Поскольку в городе у нас
Так много страждущих сейчас.
Но погодите, не спешите —
Рецепт сначала запишите,
Чтоб вам и семьям вашим впредь
Болезнью этой не болеть:
Коль будет тверд и крепок разум,

bei Reich und Arm, Mann und Frauen,
und wem ein Ding übel ansteh,
**daß er desselben müßig geh,
richt sein Gedanken, Wort und Tat
nach weiser Leute Lehr und Rat!**
Zu Pfand setz ich ihm Treu und Ehr,
daß alsdenn bei ihm nimmermehr
gemeldter Narren keiner wachs,
**wünscht Euch mit guter Nacht Hans
Sachs.**

[Sachs 1870: 17]

Все дураки исчезнут разом.
Даю совет мужьям и женам —
Рассудка следовать законам
И, мир семейный возлюбя,
В порывах сдерживать себя.
**Последний из моих заветов:
Разумных слушайте советов, —**
И никакие дураки
Не заберутся к вам в кишки!
**На этом, всем вам счастья проща,
Ганс Сакс желает доброй ночи!**
[Сакс 1959: 381]

Согласно теории вежливости, корректная подача совета включает в себя формулы, смягчающие побуждение: «позвольте дать вам совет / разрешите / возможно, было бы лучше могу ли я дать вам совет?» и т. д. В анализируемом примере, как в оригинале, так и в переводе, совет представлен в максимально прямой, императивной форме: *laß ich zuleyt ein gut Rezept / Но погодите, не спешите / Рецепт сначала запишите / laß er sein Vernunft Meister sein / richt sein Gedanken, Wort und Tat / nach weiser Leute Lehr und Rat!* / Даю совет мужьям и женам / Последний из моих заветов / Разумных слушайте советов. Тон услужливого, заигрывающего с публикой доктора сменяется назидательным тоном самого автора, который подводит итог всему действию и поучает публику. Пьеса заканчивается словами прощания и пожелания всего хорошего уже от имени самого Ганса Сакса: *wünscht Euch mit guter Nacht Hans Sachs / На этом, всем вам счастья проща, / Ганс Сакс желает доброй ночи!* Отметим, что подобное обращение к публике в последних строках — неотъемлемый элемент всех произведений автора, то есть основной текст заключается в жесткую рамку, состоящую из приветствия и прощания-напутствия. Таким образом, РФЭ выполняют роль начала и завершения драматического действия.

3. Выводы

Проведенный прагмалингвистический и переводческий анализ речевых формул этикета показал, что данные единицы обладают высокой частотностью в текстах исследуемого жанра: на при-

мере одного фастнахтшпиля Ганса Сакса выявлены случаи РФЭ, употребляемые на всех этапах коммуникации (в начале, середине и конце). Данный факт свидетельствует о том, что, несмотря на фиктивность драматической речи, речевое поведение персонажей не отличается кардинальным образом от реального. Помимо основных функций РФЭ, состоящих в установлении, поддержании, завершении разговора, а также демонстрации уважения к собеседнику и кооперативной установки на коммуникацию, применительно к фастнахтшпилю выделяются две дополнительные функции, связанные с жанровыми особенностями текстов: регулирующая (развитие драматического действия) и характеризующая (способ создания образа персонажа).

Изучение выделенных РФЭ с точки зрения перевода позволило выявить некоторые закономерности передачи старых немецких метрических схем на современный русский язык. Как показывает сравнительный анализ, неизбежный отказ от книттельферса в пользу правильного ямба вынуждает переводчика проводить ряд переводческих трансформаций, пусть и отдаляющих текст перевода от текста оригинала (в том числе и в плане передачи РФЭ), однако не умаляющих его художественную и эстетическую ценность.

Источники иллюстративного материала

Sachs H. Ein faßnacht-spiel mit dreyen personen. Das narren-schneyden // Sachs H. Werke: in 26 Bde // Literatur des litterarischen Vereins in Stuttgart / A. v. Keller (Hrsg.). Tübingen: Laupp, 1870–1908. Bd. 5. S. 3–17.

Сакс Г. Извлечение дураков // Сакс С. Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. А. Г. Левинтона. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. С. 366–381.

Литература

Гаспаров М. Л. Очерки истории европейского стиха. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 272 с.

Даркевич В. П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М.: Наука, 1988. 344 с.

Колязин В. Ф. От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М.: Наука, 2002. 204 с.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 509 с.

Мокульский С. С. Хрестоматия по истории западноевропейского театра: В 2 т. / Ред. С. С. Мокульский. М.: Искусство, 1952. Т. 1. 807 с.

Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. Москва: Икар, 2007. 480 с.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет и культура. М.: Рипол Классик, 1989. 156 с.

Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь / под ред. Л. В. Щербы. Пг.: Фонетический ин-т практического изучения языков, 1923. Вып. 1. С. 96–194.

Mazon G. Interactive Dialogue Sequences in Middle English Drama. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 228 p.

References

Darkevich V. P. *Narodnaia kul'tura srednevekov'ia: svetskaia prazdnichnaia zhizn' v iskusstve IX–XVI vv.* Moscow, Nauka Publ., 1988, 344 p. (In Russian)

Formanovskaia N. I. *Russian speech etiquette and culture.* Moscow, Ripol Klassik Publ., 1989, 156 p. (In Russian)

Formanovskaia N. I. *Speech interaction: communication and pragmatics.* Moscow, Ikar Publ., 2007, 480 p. (In Russian)

Gasparov M. L. *Essays on the history of European verse.* 2nd ed., add. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2003, 272 p. (In Russian)

Iakubinskii L. P. About Dialogic Speech. *Russkaia rech'*, L. V. Shcherba (ed.). Petrograd, Foneticheskii institut prakticheskogo izucheniia iazykov Publ., 1923, no. 1, pp. 96–194. (In Russian)

Koliazin V. F. *Ot misterii k karnavalu: Teatral'nost' nemetskoj religioznoi i ploshchadnoi stseny rannego i pozdnego srednevekov'ia.* Moscow, Nauka Publ., 2002, 204 p. (In Russian)

Larina T. V. *Category of politeness and style of communication. Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions.* Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009, 509 p. (In Russian)

Mazon G. Interactive Dialogue Sequences in Middle English Drama. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2009, 228 p.

Mokul'skii S. S. *Reader on the history of Western European theater.* In 2 vols. Ed. by S. S. Mokul'skii. Moscow, Iskustvo Publ., 1952, vol. 1, 807 p. (In Russian)

Нифонтова Дарья Евгеньевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Daria E. Nifontova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: d.nifontova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.